

Да! Не! Ли... Я

Классику кино 25-го августа — 80 лет.

Надо же заполучить такую фамилию... Точный сейсмограф колебаний, настроений художника. Сначала жизнеутверждающее ДА! Потом столь же убедительное НЕ! Следом во всем сомневающееся ЛИ... и, наконец, окончательное и бесповоротное: Я

Готовясь к разговору, пытаюсь сформулировать общий лейтмотив его кино. Ничего не выходит. Жанры, стили, краски — невозможно несхожи. Будто разные режиссеры снимали «Осенний марафон» и «Не горюй!», «Афоню» и «Мимино». Зеркала различных эпох? Разных состояний автора? Влияние драматургов? - Или просто вы, Георгий Николаевич, такой... переменчивый?

— Вы спрашиваете, как рождаются фильмы? На меня не накатывает желание выступить, так сказать, с кафедры с важным для человечества сообщением. Да и темы своей у меня нет. Нет и продуманной последовательности фильмов. Так я устроен: если что-то получилось хорошо, именно это делать уже неинтересно. Не хотелось еще раз снимать «Сережу», хоть убей. А после успеха фильма все сценарии о

детях тащили мне. После картины «Путь к причалу» несли все про моряков... Зато фильм «Я шагаю по Москве» подвергся яростным нападкам. Хрущев тогда выступил с призывом не показывать помойки. А тут на следующий день выходит наш фильм — с умытой, цветущей Москвой, словно по заказу партии и правительства. Но я-то снял фильм, который хотелось снять. И Шпаликову он нравился. До этого я долго был в экспедиции и, когда вернулся, увидел, как прекрасна Москва, когда прилетаешь летним утром. Даже в те советские обшарпанные и ухабистые времена. Едешь с аэродрома часов в шесть. Свет мягкий, розоватый. Таким я этот город вспоминал. «Я шагаю по Москве» больше всего пришелся по душе уголовникам. Почему? Потому что в картине был свет. Столько писем благодарных я больше никогда не получал.

— Свет? Он излучается каждой данелиевской картиной: от «Сережи» до «Насти». Сегодня существует огромный дефицит на фильмы, подобные «Я шагаю по Москве», экрану не хватает воздуха.

— Если искать негатив — его всегда через край. Общаешься с отвратительными людьми, живешь в отвратительном обществе, принадлежишь к отвратительному виду животных — человеку. И земля эта — мерзевшая, и создатель ее — жесток. Создал нас, чтобы мы убивали друг друга — если хотим жить, начиная с кошки, собаки, мышей и заканчивая людьми. Но когда после путешествий пытаешься что-то вспомнить, ничего ценнее людей не найдешь. Хорошо, ты видел Колизей, пирамиды, Лувр. А вспоминаешь конкретного человека, поступки прекрасные, странные, смешные. Вот что составляет ценность жизни. Зачем она была? Может, для того, чтобы их встретить?

— Судя по описанным в ваших книжках встречах, у вас ценная жизнь.

— Мне повезло. Не думаю о человеке плохо, пока он не докажет противного. И кино мне снимать радостно, потому что выбираю себе компанию, с которой комфортно. Может, и не слишком интересно беседовать с Афоней, но помочь ему охота, симпатичный парень. А Бенджамен из «Не горюй!» — это просто я.

— Если собрать их всех, точно выйдет коллективный портрет режиссера Данелии. Но в ваших картинах есть и диалог с родиной.

— Что значит с родиной?!

— Мимино вырывается из дома, путешествует по миру... чтобы вернуться домой, а значит, к себе. Тема эмиграции центральная в «Паспорте». В «Кин-дза-дза» герои улетают на другую планету,

подозрительно похожую на землю.

— А Сережа никуда не уезжает.

— Да ведь мечтает ехать поездом за горизонт, в Холмогоры...

— Так я устроен: все время хочется сказку показать. На самом деле «Мимино» не имеет ничего общего с реальностью. Это сказка от начала до конца. Моя задача — преподнести сказку так, чтобы вы не догадались, что это сказка. Такая же сказка «Афоня». Возможно ли, чтобы эта чудная девочка могла найти непутевого Афона в аэропорту? Энергия несчастья заполонила не только телевизор, оно там, за окном, я его слышу, ощущаю. Голодные, больные, убийцы и убитые... Человечество с беспримерной настойчивостью сходит с ума, унижает, уничтожает друг друга, самоуничтожаясь. Хочется плыть против этого необузданного течения. По большому счету во всех моих картинах есть борьба со злом. Ведь это так просто — показать негатив. Телевизионщики знают: про малолетних проституток — все смотрят. А как заставить смотреть без проституток, людоедов, мордобития? Но, кажется, получилось. Возможно, это стремление и объединяет мои фильмы. Стараюсь о вещах серьезных говорить полшутя, с иронией. Во всяком случае, не педалирую мораль. Реплика, брошенная мимоходом, может быть самой важной.

— А еще в ваших фильмах время, пойманное за хвост и пришпиленное к экрану. 50-е — в «Сереже», начало «оттепели» — в «Я шагаю по Москве», застой — в «Слезы капали» или «Осеннем марафоне».

— Специально мы ничего не демонстрировали. Скажем, «Настя» начинается с того, что в магазине, где работает героиня, ничего нет. Так было: в канцтоварах, где мы снимали, — шаром покати. Один мальчик, заглянув, увидел, что есть ластик, привел весь класс. Им сказали: больше одного ластика в руки не дают. Тут завезли дефицитные козьи ножки, началось столпотворение. Мы ничего не придумали.

— Каждая эпоха вызывала к жизни своего героя: Колю, Бенджамена, Афона, Бузыкина, Васина.

— Не совсем так. Думаете, была «оттепель», такое настроение, поэтому и сняли «Я шагаю по Москве» с весельчаком Колей? Напротив, в «оттепель» столько негатива вылилось. Начали читать Гинзбург, Солженицына... Стало противно, что мы жили в такую дерьмовую эпоху, не представляя, что у тебя под носом происходило. Все талантливые писатели, художники потянулись к этой беспросветной правде. Захотелось сделать что-то «наперекор». И во время перестройки, когда в искусстве все стало черно, сделал «Орел и решку».

— Такое свойство характера — всегда плыть против течения?

— Есть какое-то внутреннее вещество. Меня зачем убеждаешь, что жизнь чудовищна?! Если так все плохо — иди и вешайся. В пору расцвета чернухи я делал фильмы более или менее удачные, но светлые. Такие как «Настя» или «Фортуна»... Тогда я приехал на Волгу... и увидел настоящий кошмар. Сгнившие деревни, дома-полутрупы, на которых написано: «Адидас». Затоны, забитые ржавыми кораблями. В некоторых местах вода отступила, и эти остовы оказались на берегу — нескончаемое кладбище. По реке никто не плышет. До того сколько раз бывал на Волге — красота. Веселая река. Последний кадр фильма, из-за которого я все и затеял: «Фортуна» уходит под воду, над поверхностью только голова капитана, и он берет под козырек.

— Впервые слышу от режиссера оценку своих работ как «менее удачные».

— Ну есть и в этих фильмах вещи, которые мне нравятся. В «Фортуне» я впервые пошел за Дюма-отцом, который часто придумывал конец пьесы, а к нему приписывал сюжет. Мне нравится эпизод, в котором на сухогрузе везут монашек, и они молятся. Но это не тот фильм, которым хотелось бы заканчивать карьеру.

— Для всех героев ваших фильмов можно найти прототипы в нынешней реальности. Но один особенно актуален. Бузыкин. Конформизмом сегодня затоплена самая просвещенная часть общества.

— Эти школьные понятия — «герой времени» — мне чужды. И в моей молодости были Афони и Бузыкины. А сейчас Бузыкины существуют и в Америке, и в Африке — это свойство характера. Мне кажется, сейчас обнажилась другая линия: «человек человеку вор». Как ни удивительно: все, что советская пропаганда несла про капитализм, оказалось правдой. Мы их пороки забрали. И своих не выкинули.

— Что же выплеснули ценного?

— Нравственность. Достоинство. Когда люди кичатся богатством, выпячивают его перед бедными, голодными. Теми, кто не может выучить детей. Вылечить детей. Москва, конечно, отличалась и в советское время от

провинции. Но сейчас в области контраста мы Индию перегнали. Есть люди и побогаче наших, но нигде нет такой наглой демонстрации своего превосходства.

— К слову, об агрессии, как смикшировать ее в отношениях между людьми разных национальностей, социальных групп? В ваших картинах эта тема занимает особое место. В «Паспорте», где есть грузин, русский, еврей, в «Мимино», в «Не горюй!»

— У меня есть своя точка зрения. Если я, грузин, снимаю фильм, в котором появится армянин, то не имею права сделать его негодяем. Иначе можешь оскорбить целую нацию. Смотрю кино: появляется узбек — редкостный идиот. Я жду: может, второй появится? А что вы смеетесь? У американцев: преступник черный — полицейский черный, полицейский белый... рядом с ним черный. И что? Они афроамериканца в президенты избрали. Между прочим, под большим воздействием экрана. У нас про это не думают. Ненависть — это кассово. Это легкий способ повести за собой толпу. Это сплачивает. Ненависть энергична и мобильна. На добро попробуй людей собрать. Построить детский дом, старикам помочь. А таджиков бить — враз...

Вообще, для меня мои картины — куски жизни, которые я проживал вместе с героями. Лучше фильм, хуже — не имеет значения. Я готов на все, чтобы он получился. Не будет моей фамилии в титрах — черт с ней. Нужно палец отрезать — отрежу. Называйте это максимализмом или фанатизмом. Но когда фильм закончен, он постепенно отдаляется. Мне очень повезло с моими фильмами. В принципе такой режиссер, как я, не должен бы держаться на высоком уровне, потому что не имею системы. По сути, снимаю только то, что лично мне интересно. Не для человечества, не для потомков. И каждый фильм — эксперимент: выйдет ли? Каждый раз берусь за то, что не знаю, как снимать. Пожалуй, лишь «Осенний марафон» было понятно, как снимать. А «Слезы капали»?

Или вот «Афоня»... Хотелось, чтобы там присутствовал светлый ангел. Это же очень сложно, чтобы ощущение чудесности где-то витало. Если сравнить с «Совсем пропащим», сделанным по профессии на самом высоком уровне, то «Афоня» — незамысловатое советское кино. Снятое без всяких изысков... но с ощущением прячущегося за углом бетонной многоэтажки чуда.

— Спрошу про строительный материал фильмов — «кирпичики» из фраз, которые растаскиваются на цитаты, отрываются от контекста, присваиваются, вырываются на свободу жизни. Они выписываются заранее?

— Сценарий во время съемок порой меняется до неузнаваемости. Если дам вам сценарий «Осеннего марафона» — «Горестная жизнь плута», вы усомнитесь, что он написан именно для этого фильма. То же самое с «Кин-дза-дза». Недавно нашел сценарий «Мимино». Там нет сцены суда, нет Фрунзика Мкртчяна. Сценарий, как дерево в почках, обрастает листвой. Много известных фраз было придумано за письменным столом, когда мы с Токаревой писали сценарий к «Джентльменам удачи». Поскольку снимал не я — только присутствовал на съемках, то не менял текста. Поэтому как написали, так и осталось.

— Признайтесь честно: фраза «Тостуемый пьет до дна» была сложена заранее?

— Честно? Заранее. А вот: «Эй, родственник, рубль гони! Мне Афоня рубль должен!» — нет. Посмотрели на Федула—Брондукова, на Колю—Леонова, фраза сама и родилась.

— Пятнадцать завершенных полнометражных фильмов. И огромная фильмография того, что снимать не позволили. Среди них: «Мертвые души», «Козлотур», «Зима тревоги нашей», «Поединок», «Преступление и наказание». «Хаджи Мурат» закрыли в 1972-м. Особенно горько сегодня, что нет «Хаджи Мурата», фильма о том, что «обузданная» жажда свободы утолима лишь гибелью». Про что сегодня Данелия снял бы кино?

— Мне кажется, что никакой фильм не может быть важен сейчас. Что сегодня значит «Хаджи Мурат»? Когда Толстой написал повесть, было признано, что это лучшее его произведение.

— Вы знали, почему его закрыли?

— Это-то понятно: тема завоевания Кавказа. Я не понял, почему его открыли. Когда мы начинали работу, все было сложно. Приходили письма от поклонников Шамиля с угрозами: если покажу его отрицательным персонажем, головы моих детей будут лежать у меня на лестничной площадке. Я понимал, что это не шутки. Готовился снимать... и на всякий случай «улучшал» характер Шамиля...

— Да ведь и книжки ваши написаны монтажно, по законам кино. Это кинематограф без экрана.

— Я к книге отношусь так же, как к фильму. Пристрастно ее «монтирую». Знаете, сколько страниц я выкинул? Чтобы интересно читалось.

— **Снимать ее не будем?**

— Лариса, мне 80 лет, сил все меньше. Я еще варюсь с «Кин-дза-дза».

— **Давайте про ваш новый-старый фильм. Вы решили сделать самостоятельный анимационный фильм на основе культовой игровой картины...**

— Начал делать то, что сделать невозможно. Я не видел такой анимации. Где нет каких-то гэгов, в графике, трюках отсутствуют характерные анимационные приемы. Где герои максимально приближены к реальным. Где был бы такой повествовательный сюжет, который неторопливо развивается. И все связано с игрой актера.

— **Правда, что и для игрового фильма «Кин-дза-дза» предполагалось кое-кого из персонажей сделать рисованными?**

— Мы хотели Фитюльку сделать рисованным, но отказались: не было еще такой технологии.

— **Вы как-то сказали: если займусь анимацией, никто не будет сравнивать с предыдущими моими фильмами.**

— Зато все сравнивают с игровым «Кин-дза-дза»: почему того или этого нет?

— **Вы же сознательно шли на этот диалог картин?**

— Да нет. Просто захотелось снять все иначе. Американцы предложили написать сценарий современной «Кин-дза-дза», сделав версию с новыми технологическими возможностями, внушительным бюджетом. Подумалось: не смогу, чтобы кто-то был вместо Леонова... Спрашиваю их: «Зачем вам это кино? Картина устарела. И популярна была только в Японии и Советском Союзе». Оказывается, нет.

А вы про Обаму знаете?! Несколько месяцев назад кто-то из «Серебряного дождя» брал интервью у его сестры. Вопрос: «Что ваш брат о России знает?» — Она отвечает: «В доме родителей была русская кассета с каким-то идиотским фильмом, который юный Обама смотрел бесконечно. Потом на все вопросы Барак отвечал: «Ку».

В общем, я заболел идеей делать анимационный фильм для новых поколений, заболел. Чем хороша анимация? Ты можешь вообразить себе персонаж. Мы искали облик Уэфа вместе с художниками. Миллион вариантов для каждого героя.

— **На кого Уэф похож?**

— На себя. Дальше встает вопрос: кем озвучивать? Кого только не пробовал. Чувствую, Леонов — против. Пока не догадался взять сына, Андрея Леонова.

— **У него и голос похож.**

— И Женя доволен.

— **Планета Плюк за эти почти четверть века со дня выхода игровой картины стала еще больше похожа на Землю.**

— По морали она очень близка. Денег нет? Не нужен. Плюкане не могут слышать хорошую музыку. Писать и читать они тоже не очень... Все переделали на «ку». И мораль здесь усечена до «нужен — не нужен».

— **Да и то, что мы сегодня вынуждены слышать вместо музыки... И гастарбайтеры. И дикое расслоение общества на феодалов и безответных. Просто вместо малиновых пиджаков — бронированные «Мерседесы». Вы как-то сказали, что вам надоело рассказывать истории.**

— Да. А здесь меня привлекла степень условности. Построение такое, какое я бы не позволил себе в художественном кино. Сознательная грубоватость стыков, юмора. Сейчас я изобретаю. Такого еще не было. Первые годы все были уверены, что у нас ничего не получится. Что я сам не знаю, чего хочу. А сейчас то, что казалось невозможным, получается.

— У анимации нет запретов. Нарисуем — будет жить. А ведь в кино вы порой отказывались от волшебства. В фильме «Слезы капали» были тролли, те, что разбили зеркало на маленькие осколки. Потом вы их вырезали.

— Они мне чересчур яркими показались. Слишком эффектными. Сейчас, может, и не выбросил бы — такое настроение было.

— **Сколько лет продолжается работа над «Кин-дза-дза»?**

— Пятый год каторжного труда. А еще столько работы. Постараюсь дотянуть, я упрямый. Говорят, показ рабочей версии во ВГИКе был успешен. Но если бы и нет — все равно мне сказали бы, что прошло хорошо. Как-то Сергей Параджанов приехал в Тбилиси: «Говорят, ты картину снял, покажи». Пошли на студию, я ему показал «Не горюй!» Потом его приятель пригласил нас в ресторан. Сидим, Сережа молчит, про фильм — ни слова. Потом поднимает бокал: «Выпьем за то, чтобы ты не расстраивался. Каждый художник имеет право на неудачу. Не отчаивайся, снимешь еще хорошую картину». Не понравился фильм и Гайдаю: «Как можно в комедию вставлять сюжет о смерти?»

— **Я видела неоконченный вариант анимационного «Кин-дза-дза», который в основном состоит из стоп-кадров, за исключением двух, уже анимированных эпизодов. У него современные, запоминающиеся персонажи, необычные ракурсы, панорамы. Сейчас работа приостановлена?**

— Действительно, с нашим материалом немногие художники способны работать. Персонажи сложные, их трудно рисовать и одушевлять. Поэтому даже если сейчас мне дадут деньги, я начну снова собирать коллектив. Чтобы средства не уходили впустую.

— **Вы изменили наши представления об инопланетянах: они стали нашим отражением.**

— Привыкли, что их показывают либо божествами в серебряных шлемах, поучающими нас, как надо жить, либо всесильными монстрами, подчинившими Вселенную. Когда я показал их идиотами, им не понравилось, они начали вмешиваться в съемочный процесс. Декорации ломать.

— **Гениальный оператор Павел Лебешев об этом сразу догадался.**

— Паше я по секрету сказал. Но в итоге мы как-то наладили отношения, фильм тогда досняли. Они хоть и идиоты, но симпатичные.

— **Судя по проблемам, свалившимся вам на голову, в том числе отсутствие финансирования, — они снова не дремлют.**

— Да. За это время я перенес сложную операцию. И потом целый град проблем.

— **В фильме есть новые эпизоды. Прекрасна парочка китайцев, предпочитающая смутной свободе жизнь в тюремной «капсуле». Есть моменты, уже расхватанные на цитаты. Если нырнуть в интернет, не счесть сайтов, фан-форумов, клубов «Кин-дза-дза». Есть фантастические эксперты, знатоки планет Плюк, Альфы, Узма.**

— Да чуть ли не в каждом городе есть клуб «Кин-дза-дза». Существуют общества. Музыка в стиле «Кин-дза-дза». Словарь. Есть государственная космическая программа, которая называется «Гравицапа».

— **Как возникло название?**

— У нас поначалу в пепелаце (летательном аппарате) висел гамак. В нем раскачивался Леонов. К нему подсел Любшин, поинтересовался: «Что у тебя в портфеле?» Леонов за ним, как эхо, повторял: «Феле-феле-феле...» — дальше отвечает: «Зелень». — «Какая?» — «Кинза». И давай петь: «Кин-дза-дза-дза...» Всю дорогу пел. «Не можешь заткнуться?» Песня испепелилась. Название осталось...

— **Вы признавались, что всю жизнь мечтали снять анимацию. Вроде даже у вас заготовки были. Интересно посмотреть на кухню «аниматора Данелии».**

— Когда пойдем чай пить, покажу эскизы к «Вождю краснокожих» О.Генри. Рисунки эти увидел Гайдай: «Почему ты не снимешь это?» — «Пока рисовал, снимать расхотелось». — «Тогда я сниму». И он снял хорошую эксцентрическую комедию. Впрочем, все это в прошлом. Знали бы вы, как не люблю я про кино рассказывать. Ну его на фиг. Я люблю кино снимать.

P.S. Уважаемое правительство, я тебе один умный вещь скажу, только ты не обижайся. У тебя хорошие глаза — сразу видно, что хороший человек. Падла буду! Помоги режиссеру Данелии завершить фильм. Про него Гуэрра сказал: «Данелия учит ходить по улицам, усыянным цвeтами». Само понимаешь: без его кино, как без гравипапы, наш пепелац не взлетит.

...Я так думаю.

Автор: Лариса Малюкова © Новая газета КУЛЬТУРА, РОССИЯ 👁 5023 25.08.2010, 18:15 📌 367
URL: <https://babr24.com/?ADE=88000> Bytes: 19401 / 19005 Версия для печати

👍 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

Также читай те эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)

- [ВКонтакте](#)

Связаться с редакцией Бабра:

newsbabr@gmail.com

Автор текста: **Лариса Малюкова.**

НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:

Телеграм: [@babr24_link_bot](#)

Эл.почта: newsbabr@gmail.com

ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:

эл.почта: bratska.net.net@gmail.com

КОНТАКТЫ

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь

Телеграм: [@bur24_link_bot](#)

эл.почта: bur.babr@gmail.com

Иркутск: Анастасия Суворова

Телеграм: [@irk24_link_bot](#)

эл.почта: irkbabr24@gmail.com

Красноярск: Ирина Манская

Телеграм: [@kras24_link_bot](#)

эл.почта: krsyar.babr@gmail.com

Новосибирск: Алина Обская

Телеграм: [@nsk24_link_bot](#)

эл.почта: nsk.babr@gmail.com

Томск: Николай Ушайкин

Телеграм: [@tomsk24_link_bot](#)

эл.почта: tomsk.babr@gmail.com

[Прислать свою новость](#)

ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:

Рекламная группа "Экватор"

Телеграм: @babrobot_bot
эл.почта: eqquatoria@gmail.com

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:

эл.почта: babrmarket@gmail.com

[Подробнее о размещении](#)

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)